РАЗДЕЛ ТРИДЦАТЫЙ

Набеги на поля за мёрзлой картошкой приобрели новый размах под конец апреля. Это было время, когда в колхозе как раз начинали сажать картошку. Голодные крестьяне думали, что теперь им легко будет раздобыть хоть несколько картофелин: нужно только пойти на поле и просто выкопать их. Некоторые так и делали. Другие придумали иную систему: сначала находили в земле одну картофелину, а потом уже шли вдоль грядки.

Но в действительности это было не так просто и легко. Власти вскоре приняли меры, чтобы охранить колхозные поля. Вышло объявление, что рыскать на полях запрещается, а каждый, пойманный на краже высаженной картошки или каких-то других овощей, будет караться смертью.

Крестьян, которые пренебрегли официальным предупреждением и не обращали внимания на охрану, задержали и посадили в районную тюрьму. Вскоре распространился слух, что тамошние тюремщики неплохо кормят заключённых, дают им хлеб и другие продукты. Последствием такого слуха было то, что многие крестьяне, вместо того, чтобы искать картошку, стали искать охранников, чтобы те их поймали и упекли в районную тюрьму. Люди меняли родные дома на тюрьмы, которые были островками спасения от голода. Таким образом количество "преступников" быстро стало расти.

Но долго так продолжаться не могло, потому что, естественно, районные тюрьмы переполнились. Да и начальство догадалось о настоящей причине роста количества "врагов народа". Чтобы остановить наплыв в районные тюрьмы, однажды вышло официальное распоряжение, что сельские "преступ-

ники" должны сидеть в своих сельских тюрьмах. А там арестанты не получали еды от тюремщиков, кормить их должны были родственники. Кроме того, заключённых, ещё способных ходить, в селе заставляли работать. Преимущественно они копали могилы на кладбищах, ремонтировали дороги или делали что-нибудь на колхозных полях.

Весь апрель у нас в хате было холодно и неуютно. Чтобы согреться, мы сожгли уже всё, что могло гореть. Сарай, свинарник и плетень – всё это было разобрано на дрова и сожжено. Когда снег начал таять, мы стали собирать для отопления сухие сорняки на огородах, во дворах и возле дорог. Но несмотря на все наши трудности, нам было немного легче, чем многим нашим крестьянам, потому что у нас было ещё немного картошки и несколько маленьких мешочков зерна, спрятанных в копне сена.

И ещё у нас до сих пор уцелела корова! Уже то, что мы её уберегли, обещало нам лучший шанс выжить. Корова уже вот-вот должна была начать давать нам молоко: мы надеялись, что примерно в начале мая она отелится.

Наша коровка была для нас настоящей спасительницей. С начала зимы мы держали её во второй половине хаты и со всем старанием за ней ухаживали. Мы старались давать ей достаточно корма.

Но в один из апрельских дней наши надежды лопнули. Нам принесли повестку, что в течение двадцати часов мы должны сдать государству 250 фунтов мяса живым весом. Это означало, что придётся отдать свою корову. Никогда мы ещё так горько не плакали, как в тот день. Нам было так тяжело, будто мы прощались с собственной жизнью, что было недалеко от правды.

Заготовительная комиссия пришла к нам под вечер. Они не дали нам даже тех обещанных двадцати часов. Пока несколько членов комиссии бдительно стерегли нас, собранных в хате, другие быстренько выпроводили нашу корову и ушли с ней со двора. Вся эта процедура скорее была похожа на грабительское нападение, чем на нормальный законный процесс.

Следующий день застал нас в состоянии крайнего отчаяния. Мы уже целых пять месяцев жили впроголодь. Мы не видели приличной человеческой пищи с самого декабря, если не считать тех продуктов, которые мы купили в "торгсине". Единственной нашей надеждой на какую-то питательную еду было

то, что мы накануне потеряли, – постоянный запас молока. Это было постоянной темой наших разговоров, нашим сном наяву. Лишившись этого, мы уже ни на что не могли надеяться.

А тем временем голод мучил нас безжалостно. Приступы острой боли в моём пустом желудке были невыносимыми. Я всё время чувствовал какую-то слабость и головокружение и едва переставлял ноги. Мне казалось, что я схожу с ума: все мои мысли были только о еде – где бы я ни был, что бы ни делал. В моих фантазиях мне виделась разная еда, но больше всего я мечтал о хлебе: только что испечённый, свеженький, мягкий и тёплый, только что из горячей печки. Он был такой душистый, такой пахучий и вкусный! Мне мерещился хлеб разного вида, формы и цвета – белый и чёрный. Мне бы хоть один кусочек! Ничего больше на свете я бы не хотел. Всё прочее мне было безразлично.

Эти видения были целительным успокоительным средством, и благодаря им я забывал об острой голодной боли. Но когда я приходил в себя от этого воображаемого мира, то лишь затем, чтобы снова почувствовать резкую и острую голодную боль в животе, доводившую меня до бешенства.

Но, спасибо Господу, несмотря на этот спорадический бред, мы преимущественно могли ещё мыслить трезво. Никто в здравом уме не смирится с тем, чтобы вот так без борьбы за свою жизнь сдаться на милость голодной смерти. Нам нужно было как-то выжить, пусть даже и без коровы. Мы собрали семейный совет, на котором решили действовать немедленно. Мама посоветовала нам сходить на речку – возможно, повезёт поймать какую-нибудь рыбу.

Мы с Миколой сразу же взяли мешки и самодельные мерёжи и подались в сторону речки километра за два от села. Каждый год, начиная от Пасхи и почти до зимы, мы, бывало, купались и играли в её медленных тёплых водах едва не каждый день. А больше всего мы любили ловить там рыбу и искать птичьи яйца.

Те беззаботные дни давно миновали. А теперь мы шли к своей любимой речке в надежде, что она поможет нам в нашей борьбе за жизнь. День был туманный и холодноватый, когда мы вышли на просёлочную дорогу, по которой ходили бессчётное количество раз прежде. Каждый куст и каждое дерево вдоль до-

роги были нам знакомы. Но на этот раз дорога принесла нам некоторые неожиданности.

Миновав заброшенную теперь ветряную мельницу, мы заметили впереди на каком-то расстоянии, что там что-то лежит. Подойдя ближе, мы увидели, что это тело мёртвой женщины. Мы её сразу узнали, как только увидели: это была наша соседка Оксана Шевченко.

Оксана прошла через все те беды, что и большинство наших односельчан. Два года тому её отец, которого заклеймили как кулака, был арестован и вывезен из села. Через несколько месяцев после этого умерла её мать, оставив Оксану, восемнадцатилетнюю девушку, опекать сестричку двенадцати лет и братика семи лет.

Но настоящие заботы Оксаны тогда только начинались. Однажды она получила из сельсовета повестку, что её семья, причисленная к кулакам, должна немедленно сдать государству определённое количество зерна и мяса. Это требование было слишком смехотворным, ведь всё, что семья имела, у них уже конфисковали ещё до ареста отца, и последние два года семья голодала. Но для государства это не было серьёзным оправданием.

На следующий день после получения повестки у них на пороге появилась хлебозаготовительная комиссия. Она обыскала в хате всё до последнего уголочка в поисках мяса и зерна, но не нашла ничего. Кто-то мог бы подумать, что теперь уже Оксану и её подопечных оставят в покое, но представители власти задумали иное. Оксане заявили, что поскольку она отказывается сдавать государству продналог, её хату следует экспроприировать и объявить государственной собственностью. Между прочим, у этой хаты была жестяная крыша, а это был ещё один бесспорный признак того, что она принадлежит кулаку.

Напрасными были Оксанины слёзы и мольбы. Не растрогал активистов и плач двоих детей, которые жались к старшей сестре, уцепившись за её юбку. Наоборот, председатель комиссии решил ещё сильнее напугать их своим наганом. Он резко выхватил его из кобуры и, нацелив в Оксану, пригрозил застрелить её, если дети не перестанут визжать. А когда наган не произвёл на детей никакого впечатления и они не замолчали, приказал членам комиссии силой выбросить их из хаты. Когда же его подчинённые начали колебаться, он пообещал, что застре-

лит на месте ближайшего к нему члена комиссии и взял его на мушку. Это подействовало. Детей потащили из хаты, как они ни кричали и отбивались ногами. Оксана потеряла сознание, и её тоже выволокли во двор. Потом хлебозаготовительная комиссия опечатала двери и окна и ушла, больше не обращая внимания на Оксану и детей, обречённых на бездомность.

Придя в себя после этого потрясения, Оксана с детьми нашла приют у своей тётки. Через несколько месяцев её сестричка умерла от воспаления лёгких. А вскоре после неё от голода умерла и тётка. Оксана осталась одна со Степанком.

Все эти несчастья случились примерно год тому. А вот теперь она лежала перед нашими глазами на песчаной просёлочной дороге. Видимо, она тоже пыталась дойти до речки или леса, в последней надежде найти там что-нибудь съедобное. Но – не суждено было. Следы на песке свидетельствовали, что она пробовала ползти. Она лежала вниз лицом, раскинув опухшие руки, её зубы въелись глубоко в песок, будто пытались его есть.

Печальное это было зрелище, но мы уже столько насмотрелись, что теперь лишь какое-то время молча посмотрели на её тело и пошли дальше. Мы уже ничего не могли для неё сделать.

Потом мы свернули с просёлочной дороги прямо через лес к речке. Здесь стояла тишина. Когда мы шли по лесу, у нас было такое ощущение, что деревья и кусты тоже знают о нашей беде. Ветра не было, но казалось, будто ветви высоких тёмных сосен что-то таинственно шепчут одна другой. Время от времени тишину нарушал треск веток или стрекот сороки.

Туман повис низко, и с мокрых ветвей деревьев скатывалась влага. Мы с братом привыкли всегда ходить на речку прямиком по этой тропке, потому что так было не только ближе, но и красиво. Но сейчас мы выбрали эту тропинку по другим соображениям. Нам хотелось присмотреться, не попадётся ли что-нибудь съедобное. Мы разделились и начали искать. Я не нашёл ничего, кроме нескольких ненужных ядовитых грибов. Но вдруг Микола возбуждённым голосом позвал меня. Когда я подошёл к нему, он жадно следил за ёжиком.

– Чего ты им так увлёкся? – спросил я его, немного сердясь.

– А помнишь ту книжку про Африку, как там люди в джунглях едят всё живое? Так почему бы и нам не полакомиться эт-

им чистеньким созданием? – ответил Микола, не обращая внимания на мой тон и показывая пальцем на ёжика, который обнюхивал какие-то засохшие грибы.

Микола был прав. Я присмотрелся ближе к зверюшке.

– Э! – воскликнул я взволнованно. – Ты посмотри, какой у него носик! Ну точно поросячий!

– Да и на вкус он тоже, наверное, как поросёнок будет, – заметил Микола.

– Но как ты сдерёшь с него шкурку? – спросил я.

– Обожжём, как прежде кабанов перед Рождеством люди обжигали.

Без дальнейших колебаний Микола ловко сунул зверюшку в мешок. Он вполне убедил меня. Если другие едят ящериц, улиток и даже гадюк, то почему бы нам не есть ёжиков, предварительно опалив их лохматую шкурку с острыми колючками?

Коммунистическая партия в то время ещё не издала никакого закона, который бы запрещал ловить ёжиков или другую дичь. Развлекая себя вот такими мыслями, я внимательно искал под деревьями и кустами, не найду ли ещё этих зверюшек, но безуспешно. Зато Микола нашёл ещё одного ёжика, и я слышал, как он радостно закричал, что этот ещё больше, чем первый. А значит наш поход не был напрасным. Мы поймали и сунули в мешок двух ёжиков, а ещё была надежда на какую-то другую живность, когда дойдём до речки.

Мама просила нас, между тем, проведать семью Прокопа, нашего дальнего родственника, который жил на самом берегу речки. Прокопа арестовали в прошлом году весной за то, что не сдал своей нормы зерна и мяса. Однажды ночью его забрали в районную тюрьму, и так он исчез: никто больше не слышал о его судьбе. Жена Прокопа осталась одна с шестилетней дочкой в небольшой хате над рекой. В последний раз мы видели их в ноябре – перед тем, как выпал первый снежок.

Мама беспокоилась, как они там пережили зиму, ну, а мы с Миколой считали, что посещение тётки – это прекрасная мысль, так как она знала речку, как свои пять пальцев. А также лучше нас разбиралась, как приманить рыбку в мерёжу, и, кроме того, мы могли бы воспользоваться её лодкой.

До хаты Прокопа мы дошли поздно, когда уже минул полдень, и подходили к ней не без волнения. Прошедшая зима бы-

ла длинная и очень суровая. Многое могло случиться с нашими родственниками в их жилище возле речки. Хатка стояла вроде целая и невредимая, только вокруг неё не было никаких признаков жизни. Перед дверью лежал небольшой сугроб нерастаявшего грязного снега. Фасадные окна были занавешены изнутри какой-то тканью.

Мы постучали в двери сначала тихо, а потом громче, но никто не отозвался. Я взялся за щеколду и попробовал открыть дверь. Она оказалась закрыта. Мы оббежали хату до тыльных окон, но и те были занавешены. Не было другого выхода, как только выломать дверь. Когда мы так и поступили, на нас повеяло тошнотворным смрадом. Мы подбежали к окнам и стащили занавесы, ведь внутри было темно. Дневной свет, влившийся в окна, открыл нам жуткое зрелище. На полу растянулось тёткино тело без головы, а голова лежала за пару шагов сбоку.

Очевидно, её оторвала от тела какая-то сила, но следов крови на полу было мало.

Но скоро мы выяснили тайну. Осмотревшись в хате, мы заметили верёвку, свисающую с потолка, и на ней петлю. Тётка повесилась! Через какое-то время, когда тело начало разлагаться, шея, естественно, не выдержала тяжести, поэтому и крови мало.

Оправившись немного от шока, мы оглянулись, ища дочку. Мы сразу её увидели: она лежала на лавке. Дочка, наверное, умерла раньше, чем мать, её глаза были закрыты и ротик закрыт, ручки сложены на груди. Малышка была в аккуратном голубом платьице, в котором она когда-то к нам заходила, и с аккуратно причёсанными волосами.

Остальная часть хаты была пустой. Вся мебель, видимо, пошла на дрова. Не было видно ни следа чего-то съедобного. Мы поняли, что жена Прокопа так же, как и наша соседка Соломия, потеряв мужа и переживая голод, забравший её дочку, не видела никакого смысла жить и бороться. Прежде, чем наложить на себя руки, она старательно закрыла двери и завесила окна. И её хата превратилась в могилу. Это страшное зрелище: и тошнотворный смрад полуразложившихся человеческих тел, и мёртвая тишина – это было нечто почти невыносимое. Мы стояли там онемевшие и беспомощные. Имея уже столько невероятных впе-

чатлений, всё равно мы чувствовали, как к нам подползает ужас перед смертью. И наступил момент, когда мы уже не могли больше этого выдержать и должны были быстро выбежать наружу, на свежий воздух, чтобы хоть немного прийти в себя.

Мысль поискать что-нибудь в речке и на её берегах показалась нам теперь бессмысленной, после того, что мы только что пережили, и мы вдруг утратили всякий интерес к охоте и рыбалке, а потому пошли назад домой...

Когда мы рассказали маме всё, что увидели в хате Прокопа, она восприняла это, как всегда, вроде очень спокойно. Но долго сдерживать свои чувства ей не удалось. Расспросив нас ещё о чём-то, она вдруг отвернулась и дала волю слезам.

Остаток дня мы провели, готовя ужин из ёжиков. Микола управлялся с ними так опытно, будто всю свою молодую жизнь только то и делал. Печёная ежатина с картошкой показалась нам невероятным лакомством.

Когда мы улеглись, я долго не мог уснуть. У меня из памяти всё не шла тёткина голова, которая смотрела на меня с пола своими остекленевшими испуганными глазами.

Мать разбудила нас ещё до восхода солнца, чтобы мы втроём сходили в хатку над речкой похоронить наших умерших родственников. Когда мы туда прибыли, был уже белый день. Похороны должны были обойтись без гроба, ведь у нас не было ни досок, ни гвоздей, ни силы забивать их, так же, как и копать могилу. Могилой для их тленных останков служила яма, в которой когда-то прикапывалась картошка. Мы завернули тела в их домотканые шерстяные одеяла и осторожно скатили в эту импровизированную могилу. Когда мы загребли её землёй, мама проговорила коротенькую молитву, а я воткнул в головах крест, сделанный из двух связанных крест-накрест палочек.

Плакать мы уже не могли. Мы познали столько горя и пережили так много трагических потерь, что уже совсем одеревенели.

— И зачем им нужно было умирать? — вдруг спросил Микола, нарушив мёртвую тишину.

— Если бы знать... — ответила мать. По дороге домой я думал о наших собственных похоронах и о том, останется ли кто, чтобы похоронить нас. И не находил никого.